

**ПОСЛЕДНЯЯ
РЕДАКЦИЯ**

ПАМЯТЬ МОЖНО СТЕРЕТЬ. ПРАВДУ — НЕТ.

ПОЛИНА СТЕРХ

Полина Стерх
Последняя редакция

«Автор»

2026

Стерх П.

Последняя редакция / П. Стерх — «Автор», 2026

Сервис «Редакция» обещает невозможное: переписать прошлое так, чтобы человек снова мог жить. Законно. Аккуратно. Без шрамов. Клиенты приходят с кошмарами, страхом и виной – и уходят “обновлёнными”. Вера – специалист, который делает эту работу идеально. Она привыкла считать память инструментом, а сострадание – помехой. В её мире действует простое правило: боль можно удалить, если правильно подобрать формулировку. Но после одной процедуры в ней появляется странная “синева” – чужой след, который не должен существовать. Вера начинает видеть фрагменты, которых не проживала, слышать слова, которые никто не говорил, узнавать людей, которых никогда не встречала. Расследование приводит её к складу “удалённых историй” и к системе, где редактируют не только травмы, но и преступления. «Последняя редакция» – роман о том, может ли ложь спасти, если она убивает реальность, и что происходит, когда твоя личность – чья-то последняя версия.

© Стерх П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Идеальное утро	5
Глава 2. Работа с пустотой	9
Глава 3. Трещина	13
Глава 4. Ужин с призраком	17
Глава 5. Незнакомец у платформы	20
Глава 6. Протоколы безопасности	25
Глава 7. Артефакт	29
Глава 8. Сбой в системе	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Полина Стерх

Последняя редакция

Глава 1. Идеальное утро

Утро в Москве всегда начиналось со звука, которого не существует. Вера называла его «белым шумом благополучия». Это был едва слышный гул очистителей воздуха, тихий шелест автоматических штор и далекий, приглушенный тремя слоями стеклопакетов рокот города, который на шестьдесят четвертом этаже башни «Око» казался не более чем компьютерной симуляцией.

Вера открыла глаза ровно в 7:00. Ей не нужен был будильник – биологические часы, настроенные за годы безупречной работы, функционировали с точностью атомного механизма. Она лежала неподвижно, глядя на потолок, где едва заметные тени от утреннего солнца рисовали геометрически правильные узоры.

В её квартире не было лишних вещей. Минимум мебели, отсутствие мелкого декора, стены цвета «арктический туман». Психологи называют это «сенсорной депривацией для когнитивной разгрузки», Вера же называла это гигиеной. Если твоя работа – копаться в чуланах чужой памяти, заваленных гниющим хламом, собственное жильё должно напоминать операционную.

Она встала, ощущая ступнями прохладу наливного пола. На кухне уже ждал стакан дистиллированной воды с правильным Ph-балансом. Марк, её муж, обычно уходил раньше. На полированном острове из темного камня лежала записка, написанная его каллиграфическим, почти чертежным почерком: «Вечер в 20:00. Резерв в "Satori". Не опаздывай, это важно для проекта».

Вера провела пальцем по бумаге. Марк был идеальным компонентом её жизни. Архитектор, проектирующий здания, в которых невозможно чувствовать себя плохо. Он строил пространства, которые диктовали людям покой. Иногда Вере казалось, что и их брак был спроектирован им же – с учетом инсоляции, эргономики и эстетической совместимости.

– Доброе утро, Вера, – произнес мягкий женский голос из скрытых динамиков. – Твой индекс стресса на 12% ниже нормы. Желаеть включить сводку новостей или медитативный сет?

– Кофе, – коротко ответила она. – И тишину.

Через десять минут она уже сидела у панорамного окна. Москва внизу была затянута легкой дымкой, сквозь которую проглядывали золотые искры отражений. Город выглядел как гигантская материнская плата. Вере нравилось думать о людях как о битах информации, перемещающихся по четко заданным дорожкам. Большинство из них жили хаотично, накапливая ошибки, баги и битые файлы в своей биографии. Но для этого и существовала «Редакция».

Профессия Веры официально называлась «Старший когнитивный аналитик по этической коррекции». Неофициально – чистильщик.

В 8:45 она вошла в здание «Редакции». Здесь всё было пропитано запахом озона и дорогого парфюма – специфический аромат власти, которая может позволить себе быть невидимой. На входе её встретил Глеб, молодой ассистент с лицом отличника, которое еще не успело обзавестись морщинами цинизма.

– Вера Николаевна, доброе утро. Первый клиент уже в «стерильной». Громов просил передать, что случай... деликатный.

Вера кивнула, не замедляя шага. – Деликатный – это значит «политически значимый» или «много нулей в чеке»? – И то, и другое, – Глеб едва поспевал за ней. – Юрий Борисович Горевич.

Вера остановилась. Горевич. Лицо с билбордов, голос из телевизора, человек, который олицетворял стабильность и традиционные ценности. Что такой человек мог принести в «Редакцию»? Измену? Старую взятку? Случайную смерть на охоте?

– Подготовьте протокол декомпозиции «Гамма», – распорядилась Вера, заходя в свой кабинет. – И принесите мне его файл. Настоящий файл, а не ту выжимку, которую он предоставил отделу маркетинга.

Кабинет Веры был зоной абсолютного нейтралитета. Два кресла, разделенные низким столиком, мягкий свет, не оставляющий теней. За стеной, скрытой за односторонним зеркалом, находилась аппаратура стоимостью в бюджет небольшого региона.

Горевич уже сидел в кресле. Он выглядел старше, чем на экране. Лицо казалось серым, руки, лежащие на коленях, мелко дрожали, несмотря на дорогую ткань костюма. Когда Вера вошла, он поднял на неё глаза, в которых она увидела то, что видела каждый день: липкий, парализующий ужас человека, который не может жить с самим собой.

– Вера? – голос его был хриплым. – Мне сказали, вы лучшая. Что вы... отпускаете грехи.

– Мы не церковь, Юрий Борисович, – Вера села напротив и мягко улыбнулась. Эта улыбка была частью её профессиональной экипировки – ровно столько тепла, чтобы клиент расслабился, но не настолько много, чтобы он почувствовал фамильярность. – Мы просто редактируем неэффективные участки памяти. То, что мешает вам функционировать. Вы здесь, потому что ваша совесть стала препятствием для вашей работы?

Горевич сглотнул. – Она не дает мне спать. Каждую ночь. Я закрываю глаза и слышу этот звук. Глухой удар. И потом тишина. Она была такая маленькая, Вера...

– Давайте по порядку, – Вера активировала скрытый интерфейс на поверхности стола легким касанием. – Это произошло в прошлый четверг?

– Да. Подмосковье. Темно, дождь. Я был за рулем сам, охраны не было – хотел проветриться. Она выскочила внезапно. Собака. Просто золотистый ретривер. Я не успел затормозить.

Вера сделала пометку в виртуальном окне: «Объект: Животное. Уровень травмы: Средний. Моральный конфликт: Высокий».

– Я вышел из машины, – продолжал Горевич, и его голос сорвался. – Она еще дышала. Смотрела на меня. А я... я не мог вызвать помощь. Если бы кто-то узнал, что я там был один, в это время... вы понимаете. Я просто сел в машину и уехал. А она осталась там. В грязи.

Он закрыл лицо руками. Вера смотрела на него без осуждения, но и без жалости. Для неё это был просто «битый сектор» на жестком диске.

– Юрий Борисович, посмотрите на меня, – её голос стал стальным и успокаивающим одновременно. – То, что вы чувствуете – это когнитивный диссонанс между вашим образом «защитника» и этим случайным инцидентом. Мозг заикнулся на ошибке. Мы не просто сотрем этот факт. Мы заменим его на альтернативную версию, которая органично впишется в вашу нейронную сеть. Вы помните дождь?

– Да. – Вы помните, как ехали по шоссе? – Да. – Теперь представьте, что на дорогу выскочило не животное, а крупная ветка. Вы наехали на неё, почувствовали удар, остановились, проверили машину, увидели повреждение бампера и поехали дальше. Собаки не было. Её никогда не существовало в вашей реальности.

– Но она была! – вскрикнул он.

– Пока – да. Но через час она станет призраком, фантомом, который ваш мозг отбросит как ложное воспоминание, порожденное усталостью. Вы готовы начать сеанс?

Горевич помедлил, затем кивнул.

Процесс декомпозиции памяти был тонким искусством. Это не была лоботомия. Вера использовала направленное магнитное излучение в сочетании с психотропными ингибиторами, чтобы сделать синаптические связи в конкретном кластере памяти лабильными – мягкими, как воск. В этот момент она вводила «правку».

Она надела нейрошлем. Перед её глазами развернулась трехмерная карта мозга Горевича – мерцающая сеть золотистых нитей. Вот он – очаг напряжения в миндалевидном теле. Яркое, пульсирующее багровым пятно вины.

Вера начала манипуляцию. Она бережно, словно хирург, извлекающий осколок, изолировала сегмент «Четверг, 22:40». Удар. Всплеск адреналина. Звук скуления. Она начала подавлять эти сигналы, заменяя их на шум дождя и хруст древесины. Хруст. Облегчение. Обычная ветка.

Работа требовала колоссальной концентрации. Вера чувствовала, как её собственный пульс синхронизируется с пульсом клиента. Она видела то, что видел он, но отстраненно, через фильтр кодов.

В какой-то момент, когда процесс уже подходил к финалу, в её сознании мелькнуло нечто странное. Среди золотистых нитей памяти Горевича проскочила вспышка – ярко-синяя, чужеродная. Это длилось доли секунды. Вере показалось, что она увидела... лицо. Не собаку, не ветку, а женское лицо с печальными глазами, которое абсолютно не вписывалось в контекст поездки Горевича.

Она на мгновение замерла. Индикаторы на панели мониторинга мигнули оранжевым. – Вера Николаевна? – голос Глеба в наушнике звучал тревожно. – У вас скачок ритма. Все в порядке?

Вера сделала глубокий вдох, подавляя внезапный укол мигрени за левым глазом. – Все в порядке. Просто небольшая интерференция. Завершаю фиксацию.

Она нажала «Enter» в своем сознании. Багровое пятно в мозгу Горевича побледнело, рассыпалось на мелкие искры и окрасилось в спокойный серый цвет. Процедура была завершена.

Через пятнадцать минут Горевич сидел в кресле, потирая виски. Его взгляд был чистым, почти детским. – Удивительно, – прошептал он. – Я помню, что был какой-то стресс из-за машины... Ветка, верно? Чертова коряга, чуть бампер не снесла. Но сейчас мне так... легко. Вера, вы чудесница.

– Это просто наука, Юрий Борисович, – ответила она, снимая перчатки. – Рекомендую сегодня исключить алкоголь и пораньше лечь спать. Мозгу нужно время, чтобы «прошить» новые данные.

Когда за клиентом закрылась дверь, Вера осталась в кабинете одна. Она подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Голова раскалывалась. Тот синий всполох в памяти Горевича... что это было? Сбой системы или её собственное воображение?

Она вызвала на экран запись сеанса. Логи были чисты. Никаких аномалий. Никаких женских лиц.

– Вера Николаевна, – Глеб заглянул в дверь. – Вы идете на обед? – Нет, Глеб. Мне нужно заполнить отчеты. Иди без меня.

Она врала. Ей не нужны были отчеты. Ей нужно было понять, почему в её собственной памяти вдруг возник образ, которого там не должно было быть. Пока она работала с Горевичем, в момент «склейки», она на мгновение почувствовала не вкус дистиллированной воды, а вкус дешевого растворимого кофе и запах дешевых сигарет. И это было так отчетливо, так физиологично, что её едва не стошнило.

Она села за стол и открыла личный архив. В «Редакции» существовало правило: сотрудники проходят регулярную «проверку чистоты», чтобы чужие воспоминания не налипали на их собственную личность. Вера проходила такую проверку месяц назад. Результаты были идеальными.

Она открыла ящик стола, чтобы достать таблетку от головы, и замерла. На дне ящика, рядом с её идеальным кожаным ежедневником, лежала связка ключей. Старая, на грубом стальном кольце. Три ключа и пластиковый брелок в виде потрепанного мишки.

Вера смотрела на них, и холод медленно полз вверх по её позвоночнику. У неё не было таких ключей. Она жила в доме с биометрическими замками – вход осуществлялся по скану сетчатки и отпечатку пальца. Марк ненавидел ключи, называя их «анахронизмом, который портит линию кармана».

Она протянула руку и коснулась металла. Ключи были холодными и реальными. Она не помнила, как они здесь оказались. Она вообще не помнила, чтобы когда-либо видела их раньше.

– Глеб! – позвала она, и её голос прозвучал резче, чем она планировала. Ассистент мгновенно появился в дверях. – Да, Вера Николаевна? – Кто-нибудь заходил в мой кабинет, пока я была в «стерильной»? Глеб удивленно моргнул. – Нет. Только вы и Горевич. Кабинет был на блокировке. Что-то случилось?

Вера накрыла ключи ладонью, пряча их. – Нет. Ничего. Я просто... потеряла ручку. Иди.

Когда он ушел, она достала ключи и положила их на стол. В стерильном, безупречном пространстве её кабинета они выглядели как уродливая опухоль. Брелок-мишка смотрел на неё одним глазом-бусинкой, и Вере показалось, что он смеется.

Она попыталась проанализировать ситуацию. Вариант А: это чья-то злая шутка. Но в «Редакции» не шутили, здесь работали люди, чья серьезность граничила с патологией. Вариант Б: клиент оставил. Но Горевич не подходил к её столу. Вариант В: она сама положила их сюда. Но она не помнила этого.

Она не помнила.

Для лучшего чистильщика в стране эта фраза звучала как смертный приговор. Вера знала механику памяти лучше, чем кто-либо другой. Она знала, что память не исчезает бесследно – она лишь перемещается. Если ты вырезаешь кусок из одной ткани, ты должен куда-то его пришить, или в мироздании образуется дыра.

Она почувствовала, как в груди начинает разгораться странное чувство. Это не был страх. Это был азарт охотника, который внезапно обнаружил след зверя в собственной спальне.

Вера взяла ключи и спрятала их в глубокий карман своего дизайнерского жакета. Вес металла ощущался как нечто запретное, почти эротическое.

– Вера, – раздался голос Марка из динамика её смарт-часов. – Я заказал столик на восемь. Ты не забыла? – Нет, Марк, – ответила она, глядя на свое отражение в темном экране монитора. – Я не забыла. Я теперь, кажется, вообще начинаю вспоминать слишком много.

Она вышла из офиса, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо над Москвой в цвет запекшейся крови. Город всё еще казался идеальной схемой, но теперь Вера видела в этой схеме помехи.

В метро (она иногда пользовалась им, чтобы ощутить масштаб человеческой массы) люди сидели со своими смартфонами, их лица были подсвечены голубоватым светом. Они выглядели спокойными. Отредактированными. Вера смотрела на них и думала: сколько из них сегодня стерли свою грусть? Сколько из них живут в квартирах, заставленных вещами, которые они не помнят, как купили?

Когда она подошла к своему дому, она не стала сразу заходить в сияющий лобби. Она остановилась у парапета, глядя на реку. В кармане она сжимала ключи. Брелок-мишка колот ей ладонь. Вера знала, что завтра её жизнь изменится. Она знала это по тому, как пульсировала жилка на её виске, и по тому, как вкус дистиллированной воды в её рту внезапно сменился привкусом чего-то горького, пыльного и абсолютно настоящего.

Это было её идеальное утро. Но день обещал быть катастрофически честным.

Глава 2. Работа с пустотой

Ресторан «Satori» располагался на вершине одной из башен, в месте, где облака в плохую погоду буквально лизали панорамные стекла. Дизайн интерьера следовал концепции «отрицательного пространства»: минимум столов, максимум пустоты, заполненной мягким, струящимся светом. Здесь не ели в привычном смысле слова – здесь дегустировали смыслы, облеченные в форму молекулярной кухни.

Марк уже ждал её. Он выглядел безупречно в своем темно-сером костюме, который идеально гармонировал с цветом вечернего неба за его спиной. Перед ним стоял бокал с прозрачной жидкостью – вероятно, коллекционный джин. Когда Вера подошла, он поднялся и поцеловал её в щеку. Его губы были сухими и едва теплыми.

– Ты выглядишь усталой, – заметил он, отодвигая для неё стул. – Тяжелый случай?

Вера опустила сумочку на пол, чувствуя, как ключи внутри издали едва слышный, предательский лязг. – Горевич. Типичный профиль для нашего отдела. Громов настаивал на личной супервизии. – Горевич... – Марк задумчиво пригубил напиток. – Тот, что проектирует «города будущего» в Сибири? Забавно. Один строит то, чего нет, другая стирает то, что было. Мы – идеальная пара для этого века, Вера.

Вера посмотрела на него через стол. Марк всегда говорил афоризмами. Иногда ей казалось, что его мозг – это нейросеть, обученная на лучших манифестах модернизма. – О каком проекте ты хотел поговорить? – спросила она, пытаясь перехватить инициативу.

– «Нулевой горизонт», – глаза Марка заблестели. – Жилой комплекс, где архитектура будет подстраиваться под психологическое состояние жильца. Стены, которые меняют прозрачность в зависимости от уровня кортизола. Свет, который лечит депрессию. Но мне нужны ваши данные. «Редакция» обладает уникальной статистикой того, какие именно воспоминания чаще всего вызывают стресс в городской среде. Если мы узнаем, что люди хотят забыть, мы сможем построить дома, в которых они этого просто не совершат.

Вера почувствовала укол раздражения. – Мы не торгуем данными клиентов, Марк. Ты это знаешь. – Я не прошу имен, дорогая. Только паттерны. Пустота – это самый дорогой товар на рынке. Я хочу интегрировать твою «чистоту» в бетон и стекло.

Его голос продолжал звучать, но Вера внезапно перестала его слышать. В её голове снова вспыхнуло то лицо из сеанса с Горевичем. Синий всполох. Печальные глаза. И вкус... тот самый вкус дешевого растворимого кофе, от которого сводило челюсть. Она непроизвольно сжала пальцы на скатерти.

– Вера? Тебе нехорошо?

Мигрень вернулась. Она не просто пульсировала – она ввинчивалась в основание черепа раскаленной иглой. Это было классическое «эхо декомпозиции». Когда чистильщик слишком глубоко погружается в нейронную сеть клиента, он может подхватить «инфекцию смысла» – остаточные фрагменты чужой боли. Обычно это лечилось стандартным курсом супрессоров, но этот случай был другим. Вера знала это на интуитивном уровне, который она привыкла называть профессиональным чутьем.

– Просто мигрень, – выдавила она. – Прости, Марк. Кажется, день был длиннее, чем я думала. Давай просто поужинаем в тишине.

Они ели что-то невесомое, напоминающее морскую пену с привкусом йода и цитруса. Вера механически подносила вилку к губам, а её мысли были далеко. В сумочке, в темном нутре дизайнерской кожи, лежали ключи. Они казались ей тяжелее, чем вся эта башня, чем весь этот стерильный мир. Ключи – это доступ. Доступ к двери, которую кто-то запер и забыл. Но кто? И почему они оказались именно у неё?

Ночь прошла в полузабытьи. Вере снились не сны, а обрывки кода. Она видела, как из её головы вытягивают длинные серебристые нити, а на их место засыпают белый песок. Песок хрустел на зубах. Она проснулась в три часа ночи в холодном поту. Марк ровно дышал рядом, его лицо во сне было спокойным и пустым, как чистый лист бумаги.

Вера осторожно встала и прошла в гостиную. Она достала ключи из сумочки и положила их на ладонь. При слабом свете луны, пробивающемся сквозь умные стекла, брелок-мишка выглядел еще более облезлым. Одна его лапа была оторвана и небрежно пришита черными нитками.

Она вспомнила теорию «Закона сохранения боли», которую когда-то преподавали в Академии на закрытых курсах. Память – это энергия. Энергия не может исчезнуть в никуда. Если ты стираешь трагедию в одном мозгу, её эквивалент должен где-то материализоваться. Нас учили, что «Редакция» переводит эту энергию в тепло серверов, в энтропию системы. Но что, если система перегружена? Что, если «пустота», которую они создают, начинает требовать заполнения?

Утром Вера пришла в офис на час раньше. Глеба еще не было. Коридоры «Редакции» в этот час выглядели как декорации к фильму о будущем, которое уже наступило, но забыло привезти с собой людей.

Она села за свой терминал и вошла в систему под своим высшим уровнем доступа. Её пальцы порхали над сенсорной панелью. – Запрос: инвентаризация личных вещей сотрудников за последний квартал. – Результат: Аномалий не обнаружено.

– Запрос: Поиск изображения. Объект: Брелок, медведь, поврежденный, текстиль. Система шуршала данными. Тысячи терабайт личных архивов, изъятых у клиентов при зачистке квартир. «Редакция» часто проводила «физическую редакцию» – если человек хотел забыть о романе, из его дома исчезали не только мысли, но и подарки, письма, случайные чеки. Все это свозилось на склады.

Через две минуты экран мигнул. – Найдено совпадение. Объект изъят 14 января текущего года по протоколу №882-Б. – Клиент? – Вера затаила дыхание. – Доступ заблокирован. Уровень допуска: «Омега».

Вера почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Уровень «Омега» – это Громов. Генеральный директор. И это означало, что ключи в её ящике не были случайностью. Либо это была проверка, либо Громов сам их туда положил. Но зачем главе корпорации подкидывать своему лучшему сотруднику мусор из архива?

В 10:00 начался рабочий день. Её вторым клиентом была молодая женщина, Инна, дочь крупного ритейлера. Она хотела забыть своего мужа, который погиб в автокатастрофе полгода назад. – Я не могу больше, – плакала она в кабинете Веры. – Я вижу его в каждом отражении. Я слышу, как он открывает дверь ключом... этот звук, Вера. Пожалуйста, сделайте так, чтобы его никогда не было.

Вера смотрела на Инну и чувствовала странную, пугающую пустоту внутри себя. Раньше она бы сопереживала – профессионально, дозированно. Сейчас она чувствовала только холодный расчет. – Вы понимаете, что вместе с болью уйдет и радость? – спросила она по протоколу. – Вы забудете ваш медовый месяц, ваши первые свидания. Вы забудете цвет его глаз. – Пусть, – Инна решительно вытерла слезы. – Лучше ничего, чем это.

Вера начала процедуру. Работа с «пустотой» была самой сложной частью процесса. Недостаточно просто вырезать сегмент памяти. На его месте образуется «когнитивная каверна» – дыра, которую мозг стремится заполнить чем угодно, часто – галлюцинациями. Поэтому «чистильщики» использовали заполнители. Стандартные пакеты «счастливого прошлого»: вымышленные поездки, прочитанные книги, которых не было, ложные воспоминания о хобби.

Вера загрузила в Инну пакет «Путешествие в Исландию». Десятки часов ложных визуальных и тактильных ощущений: холодный ветер, запах серы, вкус ледниковой воды. Когда

сеанс закончился, Инна выглядела умиротворенной. Она даже не спросила, почему её обручальное кольцо больше не на пальце. Она просто забыла, что оно там должно быть.

– Работа завершена, – произнесла Вера, отключая нейрошлем. Но в этот раз мигрень не просто уколола её. Она взорвалась внутри головы.

Вера пошатнулась, опершись о стол. Перед глазами поплыли круги. И сквозь эти круги она снова увидела то самое женское лицо. Но теперь оно было ближе. Женщина шептала что-то. Вера не слышала слов, но она чувствовала отчаяние, исходящее от этого образа. И тут она поняла. Это лицо... это была не женщина из памяти Горевича. Это было её собственное лицо. Но другое. Без этой безупречной кожи, без холодного взгляда. Лицо изможденной, испуганной женщины в дешевой куртке.

– Вера Николаевна? – голос Глеба по селектору вырвал её из транса. – Громов просит вас зайти. Сейчас.

Вера выпрямилась, поправила пиджак. Её руки дрожали, и она спрятала их в карманы. – Иду.

Кабинет Громова находился на самом верхнем этаже, выше «Satori», выше облаков. Это было пространство из темного дерева и живых растений – редкая роскошь в мире синтетики. Сам Громов, человек неопределенного возраста с абсолютно седыми волосами и глазами цвета арктического льда, стоял у окна.

– Вера, – сказал он, не оборачиваясь. – Ты сегодня работала с Горевичем. Как прошла индукция? – Успешно, – ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Объект стабилен. Когнитивный диссонанс купирован. – Хорошо. А как твоя собственная стабильность?

Громов медленно повернулся. В его руках был планшет с графиками. – Я смотрел твои логи, Вера. Во время сеанса с Горевичем система зафиксировала аномальную активность в твоём гиппокампе. Всплеск, который не соответствует протоколу. Ты что-то увидела?

Вера замерла. Соврать Громову было почти невозможно – он видел людей насквозь еще до того, как они подключались к аппаратуре. – Небольшая интерференция, – сказала она. – Вероятно, из-за плотности графика. Мне нужен отдых. – Отдых? – Громов усмехнулся. – Или тебе нужны ответы?

Он подошел к столу и нажал кнопку. Прозрачная панель в стене стала матовой, и на ней появилось изображение. Это была фотография той самой квартиры в Химках, о которой Вера еще не знала, но ключи от которой уже жгли ей кожу через ткань жакета. Облезлые обои, старая мебель, горы хлама.

– Мы делаем великое дело, Вера, – мягко сказал Громов. – Мы освобождаем людей от груза прошлого. Но иногда груз оказывается слишком велик даже для нашей системы. Мы называем это «осадком». Это то, что остается на фильтрах. Как накипь в чайнике.

Он замолчал, внимательно глядя на неё. – Скажи мне, Вера, ты когда-нибудь задумывалась, почему у тебя нет воспоминаний о детстве раньше десяти лет? Ты веришь в официальную версию о «травматической амнезии после аварии»?

Сердце Веры пропустило удар. – Я... я никогда не сомневалась в этом. Это медицинский факт. – В нашем мире «медицинский факт» – это то, что мы записали в твою карту, – Громов сделал шаг к ней. – Ты – мой лучший сотрудник не потому, что ты умна. А потому, что ты – самый чистый сосуд, который я когда-либо создавал. Но, кажется, сосуд начал давать трещину.

Он протянул руку и коснулся её щеки. – Если найдешь то, что открывают эти ключи, не говори мне об этом. Просто реши для себя, хочешь ли ты вернуться к «идеальному утру» или ты готова узнать, как звучит эхо в пустом стакане.

Вера вышла из его кабинета в состоянии грогги. Она не помнила, как спустилась на лифте, как прошла мимо охраны. Она очнулась уже на улице, под мелким, колючим дождем, который смывал лоск с тротуаров.

В её голове пульсировала одна мысль: Громов знает. Он всё знает. Он позволил ей найти эти ключи. Это не ошибка – это эксперимент. Или милосердие.

Она достала телефон и ввела адрес, который внезапно всплыл в её сознании, словно его там разблокировали удаленным доступом. Химки, ул. Маяковского, дом 14, кв. 42.

Вера знала, что по правилам безопасности она должна сейчас пойти в медпункт, принять деактиватор и доложить о несанкционированном доступе к личным файлам. Но вместо этого она подняла руку, ловя такси.

– Химки, – бросила она водителю, садясь на заднее сиденье. – Далековато, – буркнул тот. – Пробки. – Мне всё равно, – отрезала Вера. – Просто везите.

Она прижалась лбом к стеклу. Мигрень внезапно исчезла, оставив после себя странную, звенящую ясность. Она чувствовала, как внутри неё рушится огромная плотина, которую она строила всю жизнь. И за этой плотиной не было воды. Там была только пустота, холодная и жадная, готовая поглотить всё, что Вера считала собой.

В кармане брелок-мишка словно стал теплым. Вера закрыла глаза и впервые за много лет попыталась не забыть, а вспомнить. Сквозь шум дождя и гул мотора ей послышался далекий, едва различимый голос. «Верочка, не бойся. Это просто сон. Скоро мы всё исправим...»

Она не знала, чей это был голос. Но она знала, что он принадлежит миру, где не было «Редакции», где ошибки были окончательными, а боль – настоящей. И в этот момент она поняла, что больше всего на свете она хочет вернуться именно туда.

Такси нырнуло в тоннель, и свет ламп ритмично замигал на лице Веры, превращая её в серию черно-белых кадров. Фильм её жизни, который кто-то так старательно редактировал, наконец-то начал показывать кадры, вырезанные цензурой.

Глава 3. Трещина

Такси пересекло невидимую границу между «дизайнерской» Москвой и той, другой реальностью, которую в «Редакции» называли «белым шумом карты». Чем дальше они уезжали от сверкающих игл Сити, тем плотнее становился мир. Пропала стерильная пустота широких проспектов, на смену ей пришли загроможденные рекламными щитами развязки, хаотичные нагромождения торговых центров и серые, съеденные временем фасады панельных многоэтажек.

Водитель, молчаливый мужчина с лицом, похожим на смятую географическую карту, то и дело поглядывал на Веру в зеркало заднего вида. В его взгляде читалось недоумение: женщина в пальто стоимостью в его годовой заработок, с осанкой королевы в изгнании, направлялась в одну из самых невзрачных точек на окраине Химок.

– Приехали, – буркнул он, останавливаясь у дома №14 по улице Маяковского.

Вера вышла из машины. Дождь здесь казался другим – не деликатным московским орошением, а тяжелой, грязной водой, которая мгновенно пропитывала ткань и оставляла на языке привкус железа. Дом представлял собой типовую «брежневку», облезлую и сутулую, словно уставшую стоять под этим небом. Во дворе на покосившейся качели сидел кто-то в капюшоне, медленно раскачиваясь и издавая ритмичный, раздражающий скрип.

Вера достала ключи. Металлический звук, с которым они ударились друг о друга, казался ей неестественно громким в этой тишине. Она подошла к подъезду. Допотопный домофон отозвался противным писком. Дверь открылась с тяжелым вздохом, выплеснув на Веру запах застоялого воздуха, жареного лука и старой пыли.

Лифт не работал. Вера начала подниматься по лестнице, и каждый шаг давался ей с трудом, словно гравитация в этом месте была выше нормы. На четвертом этаже она остановилась перед дверью с номером «42». Цифры были криво прибиты, а дерматиновая обивка местами лопнула, обнажая пожелтевший поролон.

Ключ вошел в скважину так мягко, будто он всегда только этого и ждал. Щелчок. Дверь поддалась.

Вера замерла на пороге. Она ожидала увидеть логово маньяка, заброшенный притон или пустые голые стены. Но реальность оказалась гораздо страшнее.

Квартира была забита вещами. Они не были навалены кучей – нет, они были расставлены и разложены с пугающей, почти маниакальной аккуратностью. Это была не жилая комната, а склад. Или музей. Музей потерянных жизней.

На стеллажах вдоль стен стояли сотни предметов, снабженных бирками с датами и номерами протоколов. Вера сделала шаг внутрь, и пол под её ногами жалобно скрипнул. Она подошла к ближайшей полке.

Протокол №114-С. Кожаный бумажник. Протокол №672-А. Детская туфелька, красная. Протокол №901-К. Связка писем, перевязанная бечевкой.

Вере стало душно. Она узнавала почерк «Редакции». Каждая вещь здесь была материальным якорем воспоминания, которое она или её коллеги стерли. Когда клиент просил «удалить» человека из своей памяти, отдел логистики изымал все физические доказательства его существования. Но их не уничтожали. Громов, в своей бесконечной страсти к каталогизации, хранил их здесь.

Она прошла в глубь комнаты. В углу, под тусклой лампочкой без абажура, стоял старый стол. На нем лежала вещь, от которой у Веры перехватило дыхание.

Это был поводок. Тот самый золотистый нейлоновый поводок со следами зубов, о котором косвенно упоминал Горевич. Рядом лежала фотография собаки – ретривера с добрыми, глупыми глазами.

– Закон сохранения боли, – прошептала Вера.

Её пальцы коснулись поводка. В ту же секунду в её голове вспыхнул шум дождя, свет фар и тот самый удар. Но на этот раз картинка не рассыпалась. Она была объемной. Вера почувствовала холодную грязь на ладонях и услышала скуление – не в своей голове, а как будто здесь, в комнате.

Она резко отдернула руку. Тяжело дыша, она огляделась. В этом месте концентрация «отредактированной» реальности была настолько высока, что границы между прошлым и настоящим начали истончаться.

– Кто здесь? – голос Веры дрогнул.

Из тени в дальнем углу кухни отделился силуэт. Вера вскрикнула, отступая к двери.

– Тише, Верочка. Тише. Здесь только призраки, а они не кусаются. Если, конечно, ты не пытаешься их снова забыть.

Человек вышел на свет. Это был мужчина с всклокоченными седыми волосами и глазами, которые казались слишком большими для его изможденного лица. На нем был надет засаленный лабораторный халат поверх старого свитера.

– Икар? – Вера узнала его по старым архивным записям. – Олег Петрович?

Это был легендарный основатель метода «чистки», человек, который первым научился манипулировать синаптическими связями. Десять лет назад было объявлено, что он погиб в авиакатастрофе.

– Олег Петрович умер, когда понял, что создал идеальную тюрьму, – старик усмехнулся, обнажая неровные зубы. – Теперь я просто сторож. Присматриваю за тем, что люди выбросили на помойку своей души. Громов прислал тебя? Решил, что пора зачистить и склад?

– Громов не знает, что я здесь, – Вера пыталась унять дрожь. – Я нашла ключи в своем ящике.

Икар замер. Его взгляд стал острым, как скальпель. – В ящике? Сам положил? Хм. Старик Громов играет в бога даже со своими лучшими ангелами. Значит, ты начала видеть «синеву»?

– Синий всполох во время сеанса, – кивнула Вера. – И вкус кофе. Дешевого кофе. И запах...

– ...сигарет «Ява», – закончил за неё Икар. – Это не сбой, Вера. Это твоя настоящая жизнь пытается пробиться сквозь бетон, который они залили тебе в голову. Ты думаешь, почему ты так хороша в чистке? Потому что ты сама – самый масштабный проект Громова. Ты не просто сотрудник. Ты – его шедевр.

Вера почувствовала, как комната поплыла перед глазами. – О чем вы говорите? Моя жизнь... Марк... моя работа...

– Твой Марк – куратор третьего уровня, – Икар подошел ближе, от него пахло формалином и тоской. – Ты думаешь, почему он так идеально подходит тебе? Почему он знает каждое твоё желание еще до того, как ты его осознаешь? Потому что он сам писал твой сценарий. Каждое ваше «случайное» знакомство, каждый ужин в «Сатори» – это откалиброванные сеансы поддержания твоей иллюзии. Ты – сосуд, Вера. Громову нужен был кто-то, кто сможет поглощать излишки когнитивного шума от элиты. Ты – губка. Ты впитываешь их грязь, а Марк следит, чтобы ты не переполнилась.

Вера прислонилась к стеллажу. Одна из коробок упала, рассыпав старые пуговицы. – Это ложь. Я помню свою жизнь. Я помню Академию. Я помню аварию...

– Ты помнишь то, что тебе разрешили помнить, – Икар схватил её за плечо. Сила его хватки была удивительной для такого тщедушного тела. – Посмотри туда. Вторая полка снизу. Секция «В».

Вера, словно в трансе, подошла к указанному месту. Там стояла небольшая картонная коробочка, на которой не было номера протокола. Там было написано только одно слово: «Вера».

Дрожащими руками она открыла крышку. Внутри лежала пачка старых фотографий. На первой – маленькая девочка в ситцевом платье на фоне покосившегося забора. Рядом – женщина с точно такими же глазами, как у Веры, но полными жизни и какой-то дикой, нездешней радости. На второй – свидетельство о рождении на имя Веры Николаевны Ивановой. Место рождения – город Бологое.

Никакой «аварии в Женеве». Никаких «родителей-дипломатов».

На дне коробки лежал обрывок газеты. Заголовок гласил: «Трагедия в семье инженера: мать погибла при невыясненных обстоятельствах, дочь в состоянии шока».

– Твоя мать не просто погибла, – голос Икара звучал у самого её уха. – Она была первой, на ком Громов испытал технологию. Она не хотела забывать твоего отца после его смерти. Она сопротивлялась. Система выжгла ей мозг, Вера. А тебя Громов забрал себе. Как трофей. Как материал. Он стер твой Бологое, стер твою горе и вырастил из тебя свою идеальную куклу.

Вера смотрела на фотографию матери. Та самая женщина с печальными глазами из её видений. Она не была «интерференцией». Она была правдой.

Внезапно в коридоре послышался шум. Тяжелые шаги, ритмично содрогающие ветхий пол подъезда. Икар мгновенно преобразился. Его лицо застыло, глаза сузились.

– Наблюдатели, – прошептал он. – Марк понял, что ты не дома. У него на тебе маячок, глупая ты девчонка.

– Что мне делать? – Вера лихорадочно запихивала фотографии в карман.

– Беги через черный ход, – Икар указал на узкую дверь в кухне, заваленную какими-то ящиками. – У них есть протокол «Принудительный сон». Если они тебя поймут, они обнулят тебя до состояния десятилетнего ребенка. Ты снова проснешься в своей идеальной квартире и будешь любить своего идеального Марка.

– А как же вы? – Вера остановилась у двери.

Икар горько усмехнулся. – Я уже мертв, Вера. Мертвых нельзя убить дважды. Иди! И найди тех, кто называет себя «Оригинал». Они в подвалах старой библиотеки. Только они знают, как остановить этот конвейер лжи.

Вера нырнула в темноту черного хода. Она бежала по узкой, вонючей лестнице, слыша, как за её спиной с грохотом вылетает дверь квартиры №42. Она слышала крики, звон разбитого стекла и холодный, спокойный голос, который она узнала бы из тысячи.

– Вера, дорогая, – звал Марк. – Хватит играть. Ужин остывает. Тебе просто нужно принять таблетку.

Она выскочила на задний двор, в лабиринт гаражей. Дождь хлестал её по лицу, смешиваясь со слезами, которые она впервые в жизни не могла контролировать. В её голове крутились слова Икара: «сосуд», «губка», «кукла».

Она бежала, не разбирая дороги, пока не оказалась у оживленного шоссе. Огни машин сливались в одну длинную, пульсирующую артерию. Вера прижалась спиной к бетонному столбу, стараясь выровнять дыхание.

В кармане она нащупала фотографии и ключи. Мишка-брелок теперь казался ей единственным реальным существом в этом городе призраков.

Она достала телефон. На экране светилось десять пропущенных от Марка и сообщение от Громова: «Вера, возвращайся. Мы всё исправим. Память – это просто выбор».

Вера со всей силы швырнула телефон об асфальт. Стекло треснуло, экран мигнул и погас.

Теперь она была официально стерта из системы. У неё не было денег, не было документов (те, что в сумочке, наверняка были заблокированы), не было дома. У неё была только пачка старых фото и чужая боль, которая теперь жгла её изнутри, требуя выхода.

Она посмотрела на свои руки. Они больше не были безупречными. Они были в пыли и саже квартиры №42.

– Память – это не выбор, – прошептала она в темноту шоссе. – Память – это я.

Она развернулась и пошла прочь от огней Сити, вглубь города, который она никогда настоящему не знала. Где-то там, в подвалах старой библиотеки, её ждали те, кто предпочитал горькую правду сладкой пустоте.

Трещина в её мире стала пропастью. И Вера была готова в неё прыгнуть.

Глава 4. Ужин с призраком

Дождь в Химках не смывал грехи, он лишь превращал их в липкую серую кашу под ногами. Вера шла вдоль бесконечного забора промзоны, чувствуя, как дизайнерские сапоги – те самые, что Марк выбрал для неё в «ЦУМе» в прошлом месяце, – безнадежно тонут в подмосковной хтони. В её мире не существовало грязи. В её мире существовали лишь фактуры: «матовый гранит», «брашированный алюминий», «дикий шелк». Теперь фактура была одна – холодная, пронзительная сырость.

Она нашла убежище в круглосуточной чебуречной у платформы. Заведение называлось «У камина», хотя из огня здесь была только старая микроволновка и яростный взгляд продавщицы в полиэстеровом фартуке. Внутри пахло старым фритюром и хлоркой. Вера села в самый дальний угол, под мигающую лампу дневного света, которая трещала, как рассерженное насекомое.

Она достала из кармана фотографии. Руки всё еще дрожали – мелкая, противная дрожь, которую не удавалось купировать глубоким дыханием. На снимке мать улыбалась так, словно знала какую-то великую тайну. Вера всматривалась в это лицо, пытаясь нащупать в своей памяти хоть какой-то отклик, кроме холодной аналитической справки.

«Мать. Иванова Мария Сергеевна. Погибла в автокатастрофе. Архив закрыт».

Теперь эта справка ощущалась как шрам от ожога. Вера провела пальцем по контуру лица матери. Она вдруг вспомнила, как в детстве – настоящем, не отредактированном – она боялась темноты под кроватью. И мать не говорила ей: «Это нелогично, там нет физических объектов». Она ложилась рядом, пахнущая земляничным мылом и усталостью, и шептала: «Я здесь. Мы вместе победим твоих призраков».

– Ваш кофе, – голос продавщицы прозвучал как удар хлыстом.

На пластиковом столе материализовался стакан из гофрокартона. Вера сделала глоток. Жидкость была обжигающей, горькой и совершенно отвратительной на вкус. Это был тот самый «вкус из видения». Вкус реальности, которую невозможно отшлифовать.

И в этот момент она почувствовала Его присутствие.

Марк не вошел в чебуречную. Он не стоял за окном в лучах уличных фонарей. Он был в её голове. Его образ, выстроенный годами совместного быта, начал разворачиваться внутри её сознания, словно сложная компьютерная программа. Она закрыла глаза и вдруг увидела их вчерашний ужин в «Satori» – но теперь это было похоже на просмотр фильма, где кто-то забыл наложить фильтры и спецэффекты.

Вчерашний вечер. 20:15.

Вера видит себя со стороны. Она сидит напротив Марка. Он режет стейк «medium rare» – идеальные розовые волокна, ни капли лишнего сока. Его движения механистичны. Он не ест, он выполняет функцию поглощения нутриентов в эстетически безупречной обстановке.

– Ты выглядишь усталой, – говорит он.

Вера помнила эту фразу. Вчера она показалась ей проявлением заботы. Сегодня она видела в ней диагностический отчет. Он не спрашивал, он констатировал факт дестабилизации системы.

– Горевич, – ответила «вчерашняя» Вера. – Тяжелый случай.

Марк кивнул. Вера сейчас, сидя в чебуречной, вдруг заметила то, на что никогда не обращала внимания раньше. Когда Марк кивал, его глаза не меняли выражения. В них не было сочувствия, интереса или даже скуки. Это были линзы. Он не смотрел на неё – он считывал её. Он замерял частоту её дыхания по движению воротника блузки. Он фиксировал расширение её зрачков.

– Нам нужно обновить протоколы домашнего уюта, – сказал он тогда.

«Протоколы домашнего уюта». Боже, как она могла не слышать этой чудовищной канцелярщины? Она принимала это за его индивидуальный стиль, за «архитектурный подход к жизни».

Она вспомнила их первую встречу. Это был вернисаж в галерее на «Винзаводе». Она стояла перед полотном, на котором не было ничего, кроме серого квадрата. Она чувствовала себя потерянной – это было сразу после её «аварии», когда её память была чиста и болезненна, как свежеснятая кожа.

– Пустота – это тоже форма, – раздался тогда голос рядом.

Марк стоял там, в черной водолазке, безупречный и спокойный. Он предложил ей бокал шампанского. Оно было ледяным и кололо язык.

Теперь Вера понимала: он не просто оказался там. Он был «назначен» ей. Как терапевтическая собака или протез. Громов выбрал лучшего архитектора смыслов, чтобы тот выстроил вокруг его главного актива золотую клетку.

Вера открыла глаза. Чебуречная «У камина» никуда не делась. Лампа всё так же трещала. Напротив неё, за соседним столиком, сидел старик в грязной куртке и медленно жевал чебурек, глядя в пустоту. Он был настоящим. Он был уродливым, усталым, возможно, больным, но он был собой.

Она достала телефон – тот самый, со разбитым экраном, который она подобрала с асфальта, прежде чем уйти от шоссе. Он был мертв, но Вера смотрела на свое отражение в черном треснувшем стекле.

Кто она без «Редакции»? Кто она без Марка, который каждое утро подтверждал её существование своими «правильными» завтраками и поцелуями по расписанию?

В её памяти всплыл еще один фрагмент. Три года назад. Они были в Париже. Утро в отеле с видом на Тюильри. Марк вышел из душа, и Вера увидела на его плече небольшую татуировку – серийный номер или какой-то код, выполненный ультрафиолетовыми чернилами, которые проявились только при определенном освещении.

– Что это? – спросила она тогда. – Ошибка молодости, – легко ответил он, и его улыбка была такой обезоруживающей, что она сразу забыла об этом.

Теперь она знала: это был не код ошибки. Это был инвентарный номер. Марк тоже был собственностью. Возможно, он был таким же «чистильщиком», только его специализацией была не память, а реальность. Он был «редактором пространства», куратором её жизни.

«Ужин с призраком», – пронеслось у неё в голове. Весь её брак был обедом с призраком человека, которого никогда не существовало. Марк был набором алгоритмов, упакованных в дорожную оболочку. И самое страшное – она любила этот алгоритм. Она доверяла ему свои сны.

Внезапно дверь чебуречной открылась. Внутри ворвался холодный воздух и запах мокрого асфальта. Вошли двое. Они не были похожи на местных работяг. Кожаные куртки, спортивное телосложение, слишком внимательные взгляды. «Наблюдатели». Те самые, о которых говорил Икар.

Они не подошли к ней сразу. Один пошел к стойке заказывать кофе, другой остался у двери, делая вид, что изучает меню. Но Вера видела, как они переглянулись. В их движениях была та же пугающая экономия усилий, что и у Марка.

Её сердце забило в горле. Пульс подскочил до 120. В её часах – если бы она их не выбросила – сейчас наверняка сработал бы сигнал тревоги.

Она медленно убрала фотографии в карман. Нужно было уходить. Но как? Единственный выход перекрыт.

В углу чебуречной была узкая дверь с надписью «Служебный вход / Туалет». Вера встала, стараясь сохранять спокойствие. Её ноги казались ватными. Она прошла мимо столика со стариком. Тот даже не поднял глаз.

– Девушка, – окликнул её тот, что стоял у двери. – Вы не находили здесь ключи? С брелоком-мишкой?

Вера замерла. Внутри всё похолодело. Они знали. Они знали про брелок. Это была метка.

– Нет, – не оборачиваясь, ответила она. – Я ничего не находила.

Она нырнула в служебную дверь. Это был тесный коридор, заваленный пустыми ящиками из-под кока-колы. Запах гнили и старой бумаги усилился. В конце коридора была еще одна дверь, обитая жестью. Вера навалилась на неё всем телом. Дверь со скрипом поддалась, открываясь на задний двор, заваленный строительным мусором.

Она бежала. Снова бежала. Но теперь это было не бегство от страха, а бегство к себе.

– Вера! – голос Марка донесся откуда-то сверху, из громкоговорителей на станции. – Мы не хотим тебе вреда. Ты просто проходишь через стадию отторжения. Это побочный эффект глубокой декомпозиции. Остановись. Мы всё восстановим.

Его голос был повсюду. Город начал говорить с ней голосом её мужа. Умные столбы, рекламные экраны, динамики на перронах – вся инфраструктура «Редакции» превратилась в одного гигантского Марка.

– Ты не существуешь! – закричала она в пустоту под мостом. – Тебя нет! Ты – просто строчка кода в бюджете Громова!

Она выскочила к железнодорожным путям. Вдали показались огни электрички. «Ticket to nowhere», – всплыло в голове название одной из её любимых песен. Только теперь это был её единственный шанс.

Электричка замедляла ход у платформы. Вера бросилась к путям, перелезая через невысокий забор. Она видела, как двое в кожаных куртках выбегают на платформу с другой стороны. Они были быстры, но электричка была ближе.

Двери открылись с характерным шипением. Вера прыгнула в вагон в последнюю секунду. Двери захлопнулись перед самым носом одного из преследователей.

Вагон был почти пуст. Несколько подвыпивших мужчин, женщина с огромными сумками и парень в наушниках. Вера прижалась лбом к грязному стеклу. Поезд дернулся и начал набирать ход, унося её прочь от Химок, прочь от башен Сити, прочь от «идеального утра».

Она посмотрела на свои руки. На правой ладони была глубокая царапина – видимо, зацепилась за жестяную дверь. Кровь была темной и густой. Она болела.

Болезнь была доказательством жизни.

Вера достала связку ключей. Теперь она знала, что Марк – это не просто человек. Это интерфейс. И чтобы победить систему, ей нужно было уничтожить этот интерфейс внутри себя.

– Ужин окончен, – прошептала она, глядя, как огни платформы исчезают в дожде.

Где-то впереди была «старая библиотека». Место, где хранили настоящие книги – те, что нельзя отредактировать удаленно. Место, где люди коллекционировали боль, чтобы не превратиться в призраков.

Она закрыла глаза и впервые за много лет разрешила себе не думать о будущем. Она просто чувствовала ритм колес – стук-стук, стук-стук. Это был звук её собственного сердца, которое больше не подчинялось протоколам.

Эхо в её пустом стакане наконец-то начало превращаться в голос. И этот голос требовал мести.

Глава 5. Незнакомец у платформы

Электричка пахла мокрым металлом, застоявшимся табачным дымом и тем особенным, неуловимым запахом безнадеги, который исходит от людей, привыкших возвращаться в дома, где их не ждут. Вера сидела у окна, глядя на свое отражение, наложенное на проносящиеся мимо черные контуры подмосковных лесов. В тусклом свете вагонных ламп её лицо казалось чужим – маской из бледного фарфора с трещинами усталости под глазами.

Она чувствовала, как внутри неё идет война. «Редакция» годами приучала её мозг к стерильности. Каждое сомнение, каждая лишняя эмоция купировались либо препаратами, либо самовнушением. Теперь же, без защитного купола Марка и офисных блокираторов, её сознание напоминало радиоприемник, который внезапно начал ловить сотни станций одновременно. Чужие обрывки памяти – те самые «осадки», которые она впитывала годами, – начали подавать голос.

«...в ту ночь шел снег, и он сказал, что никогда не уйдет...» «...хруст костей, боже, этот хруст...» «...собака, золотистый ретривер, прости меня...»

Вера зажала уши ладонями, но голоса звучали изнутри. Это была цена её таланта. Она не просто «удаляла» – она перемещала боль в себя. Громов называл это «эффектом губки», уверяя, что во время ежемесячных чисток всё это сливается в резервуары системы. Но теперь она понимала: ничего не исчезало. Она была кладбищем, на котором просто повалили надгробия, чтобы они не портили вид.

Поезд начал замедляться. Скрип тормозов отозвался в её зубах невыносимым скрежетом. Станция называлась «Левобережная».

Вера вышла на платформу. Дождь почти прекратился, оставив после себя тяжелый, висящий в воздухе туман. Освещение здесь было скудным – пара выживших фонарей на длинных ногах, бросающих желтые круги на мокрый бетон. Она поправила воротник жакета и пошла к выходу, стараясь не смотреть по сторонам. Ей нужно было найти дорогу к старой библиотеке. Икар сказал – в подвалах. Но где именно?

У самого выхода с платформы, прислонившись к бетонной опоре моста, стоял человек.

На нем был старый брезентовый плащ, капюшон которого скрывал лицо. Он не двигался, напоминая одну из тех странных городских статуй, которые замечаешь только в моменты глубокого одиночества. В руках он держал лист плотного картона.

Вера хотела пройти мимо, ускорив шаг. В её мире «незнакомцы» были либо клиентами, либо коллегами, либо обслуживающим персоналом. Но когда она поравнялась с ним, свет фонаря упал на картон в его руках.

На плакате крупными, неровными буквами, выведенными черным маркером, было написано одно имя:

«АЛЁНА СТЕПАНОВА»

Ниже, более мелко: «КТО ПОМНИТ?»

Вера замерла так резко, словно врезалась в невидимую стену. Холодный пот мгновенно проступил на её спине.

Алёна Степанова.

Она помнила это имя. Неделю назад. Понедельник, 10:15 утра. Её первый сеанс после выходных. Клиент – высокопоставленный чиновник из Министерства Образования. Запрос: «Удаление побочного эффекта личного характера». Алёна была его любовницей, студенткой, которая имела неосторожность забеременеть и попыталась заговорить о «правах». Чиновник не хотел скандала. Он не хотел её смерти – он был «гуманным» человеком. Он просто хотел, чтобы её никогда не существовало в его жизни. И в жизни всех, кто мог об этом знать.

Это была сложная работа. Вера лично проводила каскадную зачистку – редактировала память не только клиента, но и еще пятерых свидетелей, включая коменданта общежития и подругу Алёны.

– Вы её знаете? – голос незнакомца был сухим и шуршащим, как осенние листья.

Вера медленно подняла глаза. Из-под капюшона на неё смотрели глаза человека, который долго не спал. Красные белки, лихорадочный блеск. Ему было около пятидесяти, но выглядел он на все семьдесят.

– Нет, – быстро ответила она, и её голос прозвучал слишком высоко. – Я просто... редкое имя.

– Лжёте, – мужчина не шелохнулся. – Вы пахнете озоном. И «Редакцией». Я знаю этот запах. Вы – одна из тех, кто делает мир пустым.

Вера сделала шаг назад. Ей хотелось бежать, но ноги словно вросли в перрон. – Я не понимаю, о чем вы. Я просто еду домой.

– Домой? – старик горько усмехнулся. – У таких, как вы, нет дома. У вас есть только временные слоты пребывания в пространстве, согласованном с Громовым. Алёна была моей дочерью.

Вера почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. – Вашей дочерью? – прошептала она.

– Она перестала мне звонить. А когда я приехал в Москву, в её институте мне сказали, что такой студентки никогда не было. В общежитии её вещей нет. Её подруга, эта милая девочка Катя, смотрела на меня и спрашивала: «Дедушка, вы, наверное, ошиблись адресом? Я живу одна». Она смотрела сквозь меня, понимаете? Словно я – пустое место.

Он шагнул в круг света. Плакат в его руках мелко дрожал. – Но у меня остались письма. Бумажные письма, которые она писала мне из Москвы. Громов может выжечь мозги вашим хипстерам, но он не может выжечь чернила из бумаги, если не знает, где она лежит. И я помню. Я помню запах её волос. Я помню, как она смеялась.

Вера смотрела на него, и ей казалось, что она видит перед собой живой труп. Человек, чья реальность была уничтожена, но чья память отказалась подчиниться.

– Зачем вы здесь стоите? – спросила она.

– Чтобы найти свидетеля. Если хотя бы один человек, кроме меня, вспомнит имя Алёны, она снова станет настоящей. Память – это мост. Если на другом конце никого нет, мост обрушивается в бездну.

Вера вспомнила сеанс. Она вспомнила, как бережно вырезала образ Алёны из нейронной сети чиновника. Она видела Алёну – тонкую девочку с короткой стрижкой и родинкой над верхней губой. Она видела её слезы в воспоминаниях Кати. Вера тогда думала, что делает благо: избавляет людей от боли, от чувства вины, от лишних сложностей.

Теперь она видела результат. Перед ней стоял человек, которого она, Вера, сделала сумасшедшим. Потому что в мире, где никто ничего не помнит, тот, кто помнит – безумен.

– Её звали Алёна, – внезапно для самой себя произнесла Вера. – Алёна Степанова. У неё была родинка над губой. Справа.

Мужчина замер. Плакат медленно опустился. Его губы задрожали. – Вы... вы её видели? Вы её помните?

Вера почувствовала, как по щеке катится слеза – настоящая, жгучая, не предусмотренная никакими протоколами. – Я её стерла, – честно сказала она. – Я – та самая Вера, которая провела зачистку неделю назад.

Наступила тишина. Такая глубокая, что было слышно, как туман конденсируется на перилах моста. Старик смотрел на неё, и в его глазах не было ненависти. Там была только бесконечная, черная печаль.

– Значит, это правда, – прошептал он. – Вы действительно это делаете. За деньги. Просто так.

– Громов говорит, что мы помогаем людям двигаться дальше, – Вера сделала шаг к нему, но он отпрянул, словно от прокаженной.

– Двигаться дальше? Куда? В пустоту? Вы крадете у людей их историю, их ошибки, их право на страдание. Вы превращаете жизнь в рекламный ролик без сюжета.

Он свернул свой плакат. Его движения стали резкими, лихорадочными. – Уходите. Я не хочу на вас смотреть. Вы хуже убийц. Убийца забирает жизнь, а вы забираете смысл того, что жизнь была.

– Пойдите! – Вера схватила его за рукав. – Я ищу «Оригиналов». Старую библиотеку. Икар сказал, там мне помогут.

Старик замер. Он медленно повернул голову. – Икар? Вы видели Икара?

– В Химках. На складе памяти. Он жив.

Мужчина долго всматривался в её лицо, словно пытался разглядеть в ней остатки человеческого под слоями корпоративного глянца. – Если вы видели Икара и он не выгнал вас сразу... значит, в вашем стакане действительно еще что-то плещется.

Он указал рукой в сторону темного парка, за которым виднелись контуры массивного сталинского здания с колоннами. – Библиотека имени Горького. Бывшая. Теперь там склад макулатуры. Идите через сквер, к черному входу. Скажете охраннику: «Я пришла за сноской на странице сорок два».

– Спасибо, – сказала Вера.

– Не благодарите меня, – старик снова накинул капюшон. – Я не помогаю вам. Я просто хочу посмотреть, что вы будете делать, когда вся та боль, которую вы спрятали в себе, решит выйти наружу. Это будет красивое зрелище, Вера. Самый честный фейерверк в этом проклятом городе.

Он развернулся и пошел прочь, растворяясь в тумане. Через несколько секунд его силуэт исчез, и только звук его шагов еще некоторое время доносился из пустоты.

Вера осталась стоять одна под желтым светом фонаря. Имя «Алёна Степанова» пульсировало в её мозгу, как открытая рана. Она вдруг поняла: она больше не может быть «сосудом». Она начала переливаться через край.

Она пошла к парку. Деревья стояли голые, их ветви царапали небо. Под ногами хрустел мусор и битое стекло. Мир вокруг неё казался всё более реальным – и всё более пугающим. В Сити всё было предсказуемо. Здесь же каждый звук, каждый шорох казался угрозой.

Она вспомнила Марка. Что он делает сейчас? Сидит в их идеальной гостиной и анализирует её «отклонение»? Или он уже здесь, в тумане, наблюдает за ней через камеры, скрытые в ветвях?

«Я пришла за сноской на странице сорок два», – повторила она про себя, как заклинание.

Она дошла до здания библиотеки. Оно выглядело заброшенным. Большинство окон были заколочены фанерой, штукатурка осыпалась, обнажая красный кирпич, похожий на содранную плоть. Черный вход оказался тяжелой железной дверью с глазком.

Вера постучала. Гулкий звук разнесся по ночному скверу. Спустя минуту глазок открылся. На неё смотрел один глаз – холодный и недоверчивый.

– Закрыто, – донесся басовитый голос. – Макулатуру принимаем по четвергам.

– Я пришла за сноской на странице сорок два, – твердо произнесла Вера.

Глазок закрылся. Послышался лязг отодвигаемых засовов. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы она могла проскользнуть внутрь.

Вера оказалась в узком коридоре, освещенном одной тусклой лампочкой. Пахло старой бумагой, клеем и чем-то еще... чем-то, чего она давно не чувствовала в «Редакции». Запахом старого переплета. Запахом истории.

Перед ней стоял человек огромного роста в камуфляжных штанах и растянутой майке. На его предплечье была татуировка в виде штрих-кода, перечеркнутого жирным красным крестом.

– Проходи, – кивнул он. – Но если ты из «Редакции» и у тебя под кожей маячок – лучше уходи сейчас. Наши демпферы выжгут твою электронику вместе с нервными узлами.

– У меня нет маячков, – Вера показала пустые руки. – Я всё выбросила.

– Посмотрим.

Он провел её в глубь здания, мимо бесконечных стеллажей, заваленных книгами. Здесь не было каталогов, не было систем поиска. Книги лежали грудями, словно раненые солдаты. Вера видела корешки: Толстой, Достоевский, какие-то справочники по садоводству, учебники физики. Это было место, где информация существовала физически. Её нельзя было удалить нажатием кнопки «Delete». Её можно было только сжечь.

Они спустились в подвал. Температура упала, стало сыро. В конце длинного тоннеля Вера увидела свет.

Это был просторный зал, когда-то служивший хранилищем архивов. Теперь он был превращен в некое подобие штаба. Повсюду стояли мониторы, но не тонкие и изящные, как в «Редакции», а старые, пузатые «трубки», соединенные паутиной проводов. Между ними сидели люди. Они не были похожи на сотрудников корпорации. Они были... разными. Разного возраста, в разной одежде, с разными выражениями лиц. Но у всех них была одна общая черта.

Их глаза.

Это были глаза людей, которые видели слишком много. В них не было той глянцевой пустоты, которая считалась признаком здоровья в Сити. Это были глаза, полные памяти.

– Мы называем это «Библиотекой Ненаписанных Судеб», – сказал её проводник. – Добро пожаловать в реальный мир, Вера. Надеюсь, ты взяла с собой побольше аспирина. Тебе он понадобится.

В центре зала за столом сидела женщина с абсолютно белыми волосами, хотя на вид ей было не больше тридцати. Она что-то быстро печатала на механической печатной машинке. Звук ударов литер по бумаге напоминал пулеметную очередь.

Она подняла голову. Её взгляд прошил Веру насквозь. – Ты опоздала, Вера, – сказала она. – Горевич уже подал заявление на «повторную коррекцию». Он начал вспоминать собаку. Система дала сбой, и Громов в ярости.

– Откуда вы знаете? – Вера сделала шаг вперед.

Беловолосая женщина усмехнулась, и её улыбка была похожа на лезвие бритвы. – Мы не просто помним, Вера. Мы – это те, кого система не смогла переварить. Мы – те самые сбои, которые ты так старательно вычищала.

Она встала и подошла к Вере. – Меня зовут Ксения. Я была твоим первым клиентом пять лет назад. Помнишь меня?

Вера всматривалась в лицо Ксении. В мозгу зашумело. Пять лет назад... её первый самостоятельный сеанс. Девушка, которая хотела забыть своего брата-террориста.

– Ксения... – прошептала Вера. – Но я стерла всё. Я лично уничтожила все связи.

– Ты уничтожила связи в моем мозгу, дорогая. Но ты не смогла уничтожить шрамы на моем теле, которые он оставил, спасая меня из огня.

Ксения расстегнула верхнюю пуговицу рубашки. На её ключице был виден старый, грубый шрам от ожога. – Каждый раз, когда я смотрю в зеркало, я вспоминаю то, чего «никогда не было». Твоя «Редакция» создает калек, Вера. Мы – армия калек, которые решили вернуть себе свои костыли.

Вера почувствовала, как почва уходит у неё из-под ног. Вся её гордость за «чистоту» работы, вся её карьера – всё это было лишь множением боли, которая теперь возвращалась к ней в виде этих людей в подвале.

– Что вам от меня нужно? – спросила она.

– Нам? Ничего, – Ксения вернулась к столу. – Это тебе нужно от нас. Тебе нужно, чтобы мы помогли тебе не сойти с ума, когда Громов включит протокол «Обнуление». А он его включает через...

Ксения посмотрела на старые настенные часы. – ...через три минуты. Как раз когда твой муж Марк поймет, что ты не просто сбежала, а нашла нас.

Вера почувствовала, как в кармане что-то нагрелось. Это были не ключи. Это был её старый телефон, который она считала разбитым. Он завибрировал, издавая звук, похожий на предсмертный хрип.

– Он здесь, – прошептала Вера.

– Нет, – Ксения снова села за машинку. – Он везде. Но здесь у нас есть свинец и бетон. Ложись на пол, Вера. Сейчас будет громко.

В подвале завывала сирена. Это был не звук тревоги. Это был звук цифрового шторма, который несся по сетям, ища одну-единственную цель.

Вера упала на колени, закрывая голову руками. В её сознании вспыхнуло имя: Алёна Степанова. А потом – Мария Иванова. А потом – тысячи других имен, которые она когда-то превратила в пустоту.

Пустота закончилась. Началось эхо.

Глава 6. Протоколы безопасности

Боль не была физической. Она не пульсировала в мышцах и не жгла кожу. Это было нечто иное – фундаментальное нарушение самой структуры реальности внутри черепной коробки. Представьте, что каждая ваша мысль, каждое воспоминание о том, как завязывать шнурки или как звучит голос матери, внезапно превращается в строку битого кода. Символы пляшут, пиксели осыпаются, и за ними остается лишь ровный, гудящий серый шум.

– Дыши, Вера! Дыши ртом! – голос Ксении пробивался сквозь этот шум, словно далекий сигнал тонущего корабля. – Не давай им зацепиться за ритм!

Вера лежала на холодном бетонном полу подвала, вцепившись пальцами в неровные края плитки. Перед глазами вспыхивали и гасли интерфейсы «Редакции». Окно авторизации, индикаторы нейронной активности, предупреждающие знаки «Critical Error». Корпорация пыталась войти в её голову дистанционно, используя те самые бэкдоры, которые она сама помогала устанавливать в сознание клиентов.

– Протокол «Обнуление»... – прохрипела она, чувствуя, как на губах выступает соленая пена. – Они... они запускают форматирование гиппокампа...

– Хрен им, а не форматирование, – Ксения резко щелкнула тумблером на массивном железном ящике, стоявшем у стены.

Раздался нарастающий гул, похожий на звук взлетающего реактивного самолета. В воздухе запахло паленой изоляцией и статическим электричеством. Волоски на руках Веры встали дыбом. Это был «Демпфер» – самодельный генератор белого шума, создающий вокруг Библиотеки непроницаемый электромагнитный кокон.

Давление в голове мгновенно спало. Серые пиксели исчезли, вернув Вере зрение. Она увидела подвал: мигающие лампы, людей, лихорадочно закрывающих ноутбуки и переходящих на ручное управление старыми механизмами, и Ксению, которая тяжело дышала, опершись на свой генератор.

– У нас есть минут двадцать, – сказала Ксения, вытирая пот со лба. – Пока они не поймут, что сигнал заблокирован, и не пришлют «санитаров» для физического устранения помехи.

– Вы знали, что это произойдет? – Вера с трудом поднялась на локти. Её тело казалось чужим, собранным из плохо подогнанных деталей.

– В «Редакции» всё предсказуемо, Вера. Громов не любит сюрпризов. Протоколы безопасности – это не просто инструкции в PDF-файле. Это алгоритмы, вшитые в саму архитектуру города. Как только твой индекс лояльности падает ниже критической отметки, система автоматически помечает тебя как «битый сектор». А битые сектора подлежат либо восстановлению, либо изоляции.

Ксения подошла к Вере и протянула ей флягу с чем-то резко пахнущим спиртом и травами. – Пей. Это поможет удержать нейронные связи. Старая школа, еще до эпохи нанокорректоров.

Вера сделала глоток, закашлялась, но почувствовала, как по жилам разливается обжигающее тепло. Мир перестал двоиться.

– Когда я работала в офисе... – Вера говорила медленно, пробуя слова на вкус. – Каждый раз, когда у меня возникали сомнения, когда я видела эти синие вспышки... я шла в отдел безопасности. К Артему. Помнишь его? Такой спокойный, в очках.

Ксения горько усмехнулась. – Артем. Лучший «успокоитель» Громова.

– Он всегда говорил мне одно и то же, – продолжала Вера. – «Вера, это просто фантомные боли системы. Ты слишком глубоко погружаешься в чужую грязь. Твой мозг просто пытается структурировать излишки информации. Прими супрессор и поспи». И я верила. Я верила, что

это просто... техническая заминка. Что порядок – это высшее благо, а мои сомнения – это просто мусор под ковром.

– Это и есть самый эффективный протокол безопасности, – Ксения начала заряжать тяжелый, угловатый пистолет, который выглядел так, будто его собрали на танковом заводе. – Убедить жертву, что её сопротивление – это симптом болезни. Заставить её саму желать излечения. Громов не тиран в обычном смысле. Он – хирург, который убедил пациента, что ампутация души необходима для здоровья организма.

Внезапно здание библиотеки содрогнулось. С потолка посыпалась штукатурка, тяжелая пыль десятилетий заполнила воздух. Сверху донесся приглушенный звук взрыва, а за ним – методичное, ритмичное бах-бах-бах.

– Началось, – констатировал огромный мужчина в камуфляже, которого, как выяснилось, звали Медведь. – Пробивают перекрытия. «Санитары» работают по стандартной схеме «Зачистка-Стерилизация».

Вера почувствовала, как внутри неё пробуждается старый, инстинктивный страх. В «Редакции» она видела отчеты о зачистках. В документах это называлось «санитарно-эпидемиологическим мероприятием в зоне когнитивного заражения». На деле это означало группу людей в серых костюмах с газовыми распылителями и нейропаралитиками. Они не убивали – они стирали. После их визита люди оставались живы, но они не помнили не только «Оригиналов», но и собственных имен. Они превращались в чистые листы, которые потом заполняла социальная служба.

– Нам нужно уходить через архивы, – скомандовала Ксения. – Медведь, ставь растяжки на входе. Вера, за мной.

Они побежали по узкому коридору, заставленному стеллажами. Вера видела, как люди из Библиотеки лихорадочно пакуют в сумки не диски, не флешки, а тяжелые бумажные тома. – Зачем вам эти книги? – спросила она на бегу. – Это же просто бумага!

– Бумага – это последний оплот реальности, – бросила Ксения через плечо. – На сервере Громов может изменить дату твоего рождения, твою фамилию, твои взгляды. Он может заменить «войну» на «миротворческую операцию» в миллионах документов за секунду. Но он не может прокрасться в этот подвал и заменить слово в книге, изданной в 1974 году, не оставив следов. Книга – это статичный объект. Это якорь. Пока есть книга, у нас есть доказательство того, что мир когда-то был другим.

Они вышли к массивному грузовому лифту, который явно не работал уже лет тридцать. Ксения отжала рычаг на стене, и в глубине шахты что-то заскрежетало. – Мы спускаемся на уровень ниже. В старую дренажную систему. Громов думает, что у нас тут просто подвал, но под этой библиотекой – целый город призраков.

В этот момент дверь в конце коридора вылетела от направленного взрыва. В проеме возникли фигуры в матовых шлемах и серой броне. Они двигались синхронно, беззвучно, словно детали одного механизма. В руках у них были странные устройства, похожие на широкие распылители.

– Глаза! – закричала Ксения.

Вера инстинктивно зажмурилась и прикрыла лицо руками. Секунду спустя коридор залила вспышка такой интенсивности, что даже сквозь веки Вера увидела свои кости, как на рентгене. Это был «Световой ластик» – импульс, временно парализующий зрительный нерв и стирающий кратковременную память.

– Суки... – Медведь открыл огонь. Грохот в замкнутом пространстве был невыносимым.

Ксения затолкнула Веру в кабину лифта, который наконец-то приполз. – Медведь, отходи!

– Идите! Я задержу их на повороте! – Медведь швырнул тяжелую сумку Ксении. – Береги реестр!

Лифт дернулся и начал медленно, со скрипом, опускаться в темноту. Вера видела сквозь щель в дверях, как серые фигуры вскидывают свои раструбы для второго залпа, как Медведь, преодолевая вспышки, продолжает стрелять, пока двери окончательно не скрыли его из виду.

В лифте воцарилась тишина, нарушаемая только скрежетом тросов. Ксения стояла, привалившись к стене, её лицо в полумраке казалось высеченным из камня. – Он не вернется, – тихо сказала Вера.

– В этой войне никто не возвращается, – ответила Ксения. – Мы все – призраки, которые просто еще не поняли, что они мертвы. Но пока мы двигаемся, у нас есть шанс оставить после себя хотя бы сноску на полях.

Лифт остановился с глухим ударом. Ксения с трудом раздвинула двери. Перед ними открылся огромный тоннель, стены которого были покрыты инеем и слизью. Здесь было намного холоднее, и пахло уже не бумагой, а сырой землей и вечностью.

– Это «Уровень 0», – сказала Ксения. – Сюда не доходит сигнал корпорации. Но здесь живут те, кто окончательно сломался. Мы называем их «Эхо».

Они пошли по тоннелю. Свет фонарика Ксении выхватывал из темноты странные фигуры. Люди сидели прямо на земле, прислонившись к ледяным стенам. Они не двигались, когда мимо проходили Вера и Ксения. Они что-то шептали, раскачиваясь из стороны в сторону.

Вера прислушалась. – ...номер 42, две ложки сахара, синий свитер, он обещал вернуться в четверг, номер 42... – бормотал один. – ...запах лип, дождь на Пречистенке, красный трамвай, она смеялась, я помню, что она смеялась... – вторил другой.

– Что с ними? – Вера чувствовала, как по коже бегут мурашки.

– Это те, кто пытался вернуть себе всё сразу, – Ксения не останавливалась. – Их мозг не выдержал давления. Когда ты снимаешь блокировку Громова без подготовки, на тебя обрушивается цунами из подавленных эмоций, лиц, запахов, звуков. Если у тебя нет структуры, нет «якорей», ты просто растворяешься в этом потоке. Они зациклились на одном фрагменте. Они – как заезженные пластинки.

Вера посмотрела на свои руки. Связка ключей всё еще была в кармане. Она вдруг поняла: она – следующая. Её стакан уже полон, и малейший толчок превратит её в такую же «заезженную пластинку».

– Ксения, – позвала она. – Почему Громов так боится вас? Если вы просто кучка людей в подвалах, хранящих макулатуру?

Ксения остановилась и повернулась к ней. – Он боится не нас. Он боится прецедента. «Редакция» построена на мифе о том, что прошлое пластично. Что человек – это просто набор данных, которые можно переписать ради его же спокойствия. Но если хотя бы один человек докажет, что истина неизменна, что боль – это часть личности, а не ошибка в коде... вся его империя рухнет. Люди поймут, что их «счастье» – это просто дешевые декорации в пустой комнате.

Внезапно в тоннеле раздался звук. Не сверху, не сзади, а откуда-то спереди. Это был тихий, мелодичный звон, похожий на звук колокольчика.

– Что это? – спросила Вера.

Ксения нахмурилась и погасила фонарь. – Это не наши. У «Оригиналов» нет таких сигналов.

Из темноты впереди начал проступать свет. Но не резкий свет фонарей «санитаров», а мягкое, рассеянное голубоватое сияние. Оно приближалось, и вместе с ним рос звон.

Из тумана вышла фигура. Это был мужчина в безупречном белом костюме, который выглядел здесь, в слизи и холоде дренажной системы, как галлюцинация. Его лицо было идеально симметричным, глаза светились спокойным, почти божественным знанием.

– Марк... – прошептала Вера, делая шаг назад.

Но это был не Марк. Или не совсем он. Это была более совершенная версия, очищенная от последних остатков человечности.

– Здравствуй, Вера, – голос мужчины был подобен бархату. – Прости за беспокойство. Протоколы безопасности были обновлены. Теперь зачисткой занимаюсь я лично.

Он улыбнулся, и в этой улыбке Вера увидела бесконечную бездну серверов «Редакции». – Ксения, ты можешь оставить книгу. Она больше не актуальна. Мы только что внесли правку в историю: эта библиотека сгорела еще в девятнадцатом веке. И все, кто в ней находился – тоже.

Он поднял руку, и в его ладони начал формироваться сгусток ослепительно белого света.

– Беги, Вера! – закричала Ксения, вскидывая свой тяжелый пистолет. – Беги к коллектору!

Вспышка. Грохот. И Вера снова провалилась в серый шум, но на этот раз в нем отчетливо слышался смех Громова, доносящийся с самого высокого этажа башни «Око».

Глава 7. Артефакт

Тьма в дренажных коллекторах под старой библиотекой не была абсолютной. Она была густой, маслянистой и переливалась оттенками сепии и фосфоресцирующей плесени. После ослепительной белизны «Белого Марка» – или как там называлось это существо в белом костюме – Вера чувствовала себя так, словно ей в глаза насыпали толченого стекла. Каждый вдох давался с трудом; холодный, пропитанный сероводородом и вековой сыростью воздух обжигал легкие.

Она не знала, сколько времени бежала. В этих лабиринтах время теряло свою линейность, превращаясь в бесконечный цикл капающей воды и шороха собственных шагов. Ксения осталась там, в сиянии того смертоносного нимба, и Вера старалась не думать о том, что звук её выстрелов оборвался слишком быстро. Внутри Веры рос новый вид тишины – не той стерильной тишины её квартиры в «Око», а звенящей пустоты человека, который только что потерял единственный ориентир в хаосе.

Она остановилась у развилки, где три узких тоннеля сходились в один бетонный резервуар. Вода здесь стояла по щиколотку, черная и неподвижная, как зеркало в заброшенном доме. Вера прислонилась к стене, чувствуя, как холод бетона проникает сквозь жакет, добираясь до самых костей.

– Номер сорок два... – послышался шепот откуда-то из темноты.

Вера вздрогнула, вскидывая перед собой связку ключей, словно это было оружие. Из тени за выступом стены показался один из «Эхо». Это был мужчина, одетый в лохмотья, которые когда-то были дорогим пальто. Его лицо было покрыто слоем грязи, но глаза... глаза светились тем самым лихорадочным блеском, который Вера теперь видела во сне.

– Две ложки сахара, – пробормотал он, глядя сквозь Веру. – Она всегда клала две ложки. И еще эта трещинка на чашке... как молния. Ты видела её? Ты принесла её?

– Я ничего не принесла, – голос Веры сорвался на хрип. – Пожалуйста, дай мне пройти.

Человек-Эхо внезапно замер. Его голова дернулась, как у сломанной куклы. Он принюхался. – Озон. Ты пахнешь как они. Ты – та, что забирает чашки. Ты – та, что стирает молнии.

Он бросился на неё с неожиданной скоростью. Вера едва успела отпрянуть, поскользнувшись на скользком дне резервуара. Она ударилась плечом о край ржавой арматуры, и резкая боль на мгновение протрезвила её. Мужчина занес костлявую руку для удара, но в этот момент его взгляд упал на связку ключей в её ладони. Брелок-мишка, грязный и мокрый, болтался на кольце.

Эхо замер. Его ярость сменилась детским недоумением. – Мишка... – прошептал он. – У него... у него была оторвана лапа.

– Да, – Вера тяжело дышала, прижимаясь к стене. – Оторвана и пришита черными нитками. Откуда ты знаешь?

Мужчина закрыл лицо руками и зарыдал. Это был странный звук, больше похожий на хрип задыхающегося животного. – Иди... иди в комнату зрителя, – выдавил он сквозь слезы. – Третья труба направо, за вентиляционной решеткой. Там... там лежат вещи, которые не тонут. Там твоя молния, чистильщица.

Он рухнул в воду, продолжая раскачиваться и бормотать про сахар и чашки. Вера, преодолевая брезгливость и страх, пошла туда, куда он указал.

Третья труба была узким лазом, заваленным мусором. Вере пришлось ползти на четвереньках, чувствуя, как жижа пропитывает одежду. В конце лаза действительно обнаружилась решетка, которая держалась на одной петле. За ней скрывалось небольшое помещение – вероятно, старая бытовка обходчиков, о которой забыли еще в прошлом веке.

Здесь было сухо. Свет её фонарика (чудом уцелевшего маленького устройства из сумки Ксении) выхватил из темноты стол, пару стульев и тяжелый металлический шкаф. Это место выглядело как капсула времени. На столе стоял старый компьютерный терминал – громоздкий моноблок с выпуклым экраном, подключенный к какому-то автономному источнику питания, который тихо гудел в углу.

Вера подошла к столу. Её внимание привлек верхний ящик – он был слегка приоткрыт. С замиранием сердца она потянула его на себя.

Там, среди высохших резинок для волос и старых квитанций, лежал Артефакт.

Это был оригинальный полароидный снимок. Пожелтевший по краям, с характерной белой рамкой. Вера взяла его в руки, и в ту же секунду мир вокруг неё начал вибрировать. Это не было «эхо» или «синева». Это был резонанс.

На фотографии была она. Но это была не та Вера, которую она видела в зеркале каждое утро. У этой Веры были длинные, слегка растрепанные волосы, на ней была простая джинсовая куртка, а в глазах светилось что-то такое, чего «Редакция» не могла имитировать – абсолютная, неприкрытая уязвимость.

Она стояла на фоне какого-то провинциального вокзала – судя по вывеске, это было Бологое. Её обнимал мужчина. Он был выше её, с крепкими плечами и лицом, которое казалось собранным из противоречий: резкие скулы, добрые морщинки у глаз и небольшой шрам, пересекающий левую бровь. Они смеялись. Снимок запечатлел момент такого густого, концентрированного счастья, что Вере стало физически больно на него смотреть.

Это была любовь. Настоящая, не отредактированная Марком, не вписанная в расписание ужинов в «Satori». Это было то самое, ради чего люди соглашались на боль, лишь бы не потерять вкус этого момента.

Вера перевернула снимок. На обратной стороне карандашом, уже почти стершимся, было написано: «Вере от Алексея. 14 июля. Никогда не забывай, как мы ждали этот поезд».

– Алексей... – имя сорвалось с её губ, как выдох.

В голове зашумело. Память, словно заржавевший механизм, начала проворачиваться. Поезд. Вкус растворимого кофе. Запах его куртки – табак и дешевый одеколон «Океан». Его рука, сжимающая её ладонь так сильно, словно он боялся, что она растворится в воздухе.

Она не просто знала этого человека. Он был центром её вселенной до того, как Громов стер звезды.

Вера резко развернулась к терминалу. Ей нужны были ответы. Если Громов хранит здесь вещи «Эха», возможно, здесь есть доступ к локальной базе «Редакции» до того, как её перевели на облачные сервера башни «Око».

Её пальцы, привыкшие к сенсорным панелям, неловко застучали по тяжелым клавишам. – Запрос: Иванова Вера Николаевна. Досье.

Экран мигнул зеленым. Поползли строки логов. – Результат: Объект не найден.

Вера нахмурилась. – Запрос: Сотрудник №402. Личное дело. – Результат: Объект не найден.

Она попробовала еще несколько комбинаций: дату рождения, номер диплома Академии, девичью фамилию матери. Ничего. Системы не просто не имели на неё данных – они отрицали её существование в структуре организации.

– Как такое возможно? – прошептала она. – Я работаю там семь лет. Я – их лучший чистильщик.

Она ввела имя: «Алексей». База выдала тысячи результатов. Она добавила: «Бологое, 14 июля».

Экран заполнился красным цветом. – ВНИМАНИЕ! Запрос относится к категории «Сингулярность». Доступ заблокирован на уровне Дирекции. Протокол уничтожения данных запущен 12 сентября 2019 года.

12 сентября 2019 года. День её «аварии».

Вера поняла всё в один миг. Громов не просто отредактировал её жизнь. Он уничтожил её оригинал целиком. Не было никакой «Веры-чистильщицы», которая выросла в Академии. Была женщина, которую сломали, выпотрошили и наполнили ложными воспоминаниями, как чучело. И она, Вера, всё это время помогала ему делать то же самое с другими. Она была не просто инструментом – она была самым успешным примером полной замены личности.

Внезапно гудение терминала изменило тональность. На экране поверх красного предупреждения появилось окно видеосвязи.

Вера замерла. Из зернистого, покрытого помехами изображения на неё смотрел Громов. Он сидел в своем кресле в «Око», и на фоне за его окном Москва сияла мириадами огней, равнодушная и холодная.

– Ты всё-таки нашла это, Вера, – сказал он. Его голос в динамиках старого терминала звучал дребезжаще, но сохранял свою пугающую отеческую мягкость. – Полароид. Алексей. Твое маленькое провинциальное счастье.

– Кто он? – Вера вцепилась в край стола. – Где он?

Громов вздохнул, и в этом звуке было почти искреннее сожаление. – Он – это то, что мешало тебе стать великой. Он был твоим якорем в мире посредственности, Вера. Знаешь, почему твоего файла не существует? Потому что ты – не сотрудник. Ты – мой авторский проект. Моя Галатея. Я не мог позволить тебе быть просто «Ивановой». Я создал шедевр.

– Ты убил мою мать, – Вера едва узнавала свой голос. – Ты стер мою жизнь.

– Я дал тебе лучшую жизнь! – Громов подался вперед, и его лицо на экране стало пугающе огромным. – Посмотри на себя! Ты живешь в лучшем доме страны, ты замужем за человеком, который понимает тебя без слов, ты занимаешься делом, которое меняет ход истории! Ты была никем на полустанке в Бологом. Я сделал тебя богиней чистоты.

– Марк... он не человек, – сказала Вера. – Он – модель.

– Марк – это твоя идеальная проекция, – отрезал Громов. – Но раз уж ты зашла так далеко, ты должна знать: «Белый Марк», которого ты видела в тоннеле – это обновление. Твой Марк устарел. Он начал испытывать к тебе нечто похожее на привязанность, а это баг системы. Мы заменим его, Вера. И тебя тоже, если ты не вернешься сейчас.

– Я никогда не вернусь.

– О, ты вернешься, – Громов улыбнулся. – Потому что ты переполнена, дорогая. Весь тот мусор, который ты впитала в себя за эти годы... без моих блокираторов твой мозг сгорит через сорок восемь часов. Ты начнешь проживать жизни Горевича, Инны, той девочки Алёны одновременно. Ты захлебнешься в чужой боли. Только я могу это остановить.

– Я лучше захлебнусь в правде, чем захлебнусь в твоей лжи, – Вера схватила тяжелую металлическую линейку со стола и с силой ударила по экрану терминала.

Стекло лопнуло. Изображение Громова исказилось, рассыпалось на искры и погасло.

В комнате снова воцарилась тишина. Вера стояла в темноте, сжимая в одной руке связку ключей, а в другой – полароидный снимок.

Она чувствовала, как внутри неё начинает нарастать гул. Громов был прав в одном: «осадки» начали действовать. В её голове вдруг всплыл запах свежего сена – воспоминание какого-то фермера из Тверской области, которого она «редактировала» год назад. Потом – холодный ужас тонущего ребенка. Потом – чей-то первый поцелуй под дождем.

Сотни жизней бились в стенки её черепа, требуя внимания.

Вера глубоко вздохнула. Ей нужно было выбраться отсюда. Но не для того, чтобы бежать. Она посмотрела на снимок Алексея. – Я найду тебя, – прошептала она. – Даже если ты меня не помнишь. Даже если тебя тоже стерли.

Она спрятала полароид во внутренний карман, к фотографиям матери. Теперь у неё был не просто «якорь». У неё была цель.

В коридоре за дверью послышался звук. Тонкий, мелодичный звон колокольчика.

«Белый Марк» был близко. Он не бегал по тоннелям, он перемещался со скоростью мысли по нейронным сетям, отслеживая её биометрию.

Вера огляделась. В углу бытовки был старый вентиляционный люк, ведущий вертикально вверх. Она не знала, куда он выведет, но это был единственный путь, не залитый голубоватым светом «обновления».

Она полезла вверх, сдирая ногти о ржавый металл. Каждый дюйм давался ей через боль, но эта боль была её собственной. И в этом была её победа.

Когда она выбралась на поверхность, она оказалась на заднем дворе какого-то заброшенного завода. Была глубокая ночь. Москва гудела вдалеке, как огромный улей.

Вера посмотрела на свои руки. Грязные, в крови, с обломанными ногтями. Она больше не была «чистильщиком». Она была Артефактом. Сломанным, ценным и смертельно опасным для системы.

Она пошла к свету фонарей, прижимая руку к груди, где под тканью жакета грелись фотографии её настоящей жизни.

Глава 8. Сбой в системе

Москва в три часа ночи напоминала остывающий системный блок: миллионы огней-индикаторов, гул серверов-шоссе и ледяной ветер, продувающий пустые проспекты-магистралы. Вера шла по обочине Рязанского проспекта, кутаясь в промокший жакет. Её безупречный облик «старшего когнитивного аналитика» окончательно распался: волосы свалились, на щеке запеклась полоса грязи, а в глазах поселился лихорадочный блеск, который в «Редакции» называли «предсинаптическим взрывом».

Громов был прав. Без корпоративных демпферов, без ежедневной инъекции нейролептиков её мозг превращался в переполненный мусорный бак. Каждые пять минут реальность давала трещину. Она видела, как асфальт под ногами превращается в ковер из детских игрушек – воспоминание женщины-клиента №1104. Она слышала детский смех в завывании ветра – эхо чистки какого-то вдовца.

«Я – сосуд. Я – губка», – повторяла она, как мантру, пытаясь удержаться за край сознания. Но губка была пропитана ядом, и этот яд теперь вытекал наружу.

Ей нужно было исчезнуть с улиц. Каждая камера с распознаванием лиц в этом городе – это глаз Громова. Каждая точка Wi-Fi – это щупальце Марка. Она нырнула в подземный переход, пахнувший сыростью и безнадегой. В глубине перехода, за решеткой, светился круглосуточный ломбард «Золотой Век».

Вера остановилась перед бронированным стеклом. За ним сидел парень в наушниках, лениво перелистывающий ленту в планшете.

– Мне нужно... – Вера осеклась. Её голос прозвучал как скрежет ржавой пилы. – Мне нужно обменять это.

Она положила на лоток свои часы – лимитированную серию, разработанную специально для сотрудников высшего звена «Редакции». В них была встроена система мониторинга пульса, детектор лжи и... маячок.

Парень снял наушники, взял часы и присвистнул. – Ого. Настоящие «Око-тек»? Откуда у тебя такие, красавица? Сама стерла, или муж подарил?

Вера почувствовала, как внутри неё что-то шевельнулось. Резкое, тошнотворное чувство. Она не хотела «читать» этого парня, но её способности теперь работали как оголенный провод. Стоило ей посмотреть в его зрачки, как в её голове развернулось его досье. Имя: Костя. 22 года. Мечтает уехать в Таиланд. Три месяца назад украл у матери серьги, чтобы закрыть долг по крипте. Помнишь, как она плакала, Костя? Помнишь этот звук разбитого блюдца?

– Заткнись, – прошептала Вера. – Чего? – парень нахмурился. – Слышь, тетя, если ты под кайфом, вали отсюда.

– Пятьдесят тысяч. Наличными. Прямо сейчас, – Вера вцепилась в прилавок. – И дай мне какую-нибудь одежду. Твою куртку. С капюшоном.

Через пять минут она вышла из ломбарда в засаленном худи с надписью «Supreme» и пачкой мятых купюр в кармане. Маячок в часах остался в сейфе ломбарда – пусть Громов штурмует эту клетку, если захочет. У неё было немного времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.